* * *

1. Ahmanova O. S. Slovar' lingvisticheskih terminov. M.: Sovetskaja jenciklopedija, 1969.

2. Bogachev V. Ocherki geografii Vsevelikogo Vojska Donskogo. Novocherkassk, 1918.

3. BTSDK – Bol'shoj tolkovyj slovar' donskogo kazachestva: Ok. 18000 slov i ustojchiv. slovosochetanij / Rostov. gos. un-t; Fak. filologii i zhurnalistiki. M.: Rus. slovari: Astrel': AST, 2003.

4. Burko N.V. Orograficheskaja leksika v orlovskih govorah: avtoref. dis. … kand. filol. nauk. Orel, 1998.

5. Dal' V.I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka. 4-e izd. SPb.; M., 1912–1914. T. I–IV.

6. D'jakova V.I., Hitrova V.I. Slovar' geograficheskoj leksiki voronezhskogo kraja (s istoricheskimi kommentarijami) // Materialy po russko-slavjanskomu jazykoznaniju. Voronezh: Voronezh. un-t, 1984. S. 100–118.

7. Lavrent'eva N. B. Jenantiosemija kak rezul'tat metaforizacii // Problemy grammatiki, slovoobrazovanija i leksiki sibirskih govorov: sb. / Krasnojar. gos. ped. in-t. M., 1978. S. 104–110.

8. Mansurova G. I. Jenantiosemija v formirovanii ocenochnoj semantiki prilagatel'nyh // Bodujenovskie chtenija: Bodujen de Kurtenje i sovremennaja lingvistika: Mezhdunar. nauch. konf. (Kazan', 11–13 dek. 2001 g.): v 2 t. / pod obshh. red. K. R. Galiullina, G. A. Nikolaeva. Kazan': Izd-vo Kazan. un-ta, 2001. T. 1. S. 135–136.

9. Marusenko T.A. Materialy k slovarju ukrainskih geograficheskih apelljativov (nazvanija rel'efov) // Poles'e. M.: Nauka, 1968. S. 206–255.

10. MAS – Slovar' russkogo jazyka / pod red. A.G.Evgen'evoj. 2-e izd. M.: Russkij jazyk, 1981–1984. T. I–IV.

11. Mirtov A.V. Donskoj slovar'. Materialy k izucheniju leksiki donskih kazakov. Rostov n/D., 1929.

12. Pskovskij oblastnoj slovar' s istoricheskimi dannymi. L. (SPb.), 1973–2008.

13. SRNG – Slovar' russkih narodnyh govorov. Vyp. 1–46. M.-L.: Nauka, 1965–2013.

14. Sreznevskij I.I. Materialy dlja slovarja drevnerusskogo jazyka. M.: GIS, 1958. T. 1–3.

15. Suhorukov V.D. Statisticheskoe opisanie zemli donskih kazakov, sostavlennoe v 1822–32 gg. Novocherkassk, 1891.

16. Tolstoj N.I. Slavjanskaja geograficheskaja terminologija. Semasiologicheskie jetjudy. M. : Nauka, 1969.

17. Fasmer M. Jetimologicheskij slovar' russkogo jazyka: v 4 t. M., 1986–1987.

18. Chernyh P.Ja. Istoriko-jetimologicheskij slovar' russkogo jazyka: v 2 t./ 3-e izd. M., 1999.

Enantiosemy in vocabulary of Don dialects

The article deals with the phenomenon of enantiosemy based on the dialect vocabulary. One of the reasons for enantiosemy is the ability for polar evaluation of one and the same phenomenon, finding out the opposite signs of the same notion or the object of reality. The varieties of meanings of one polysemantic word lead to development of opposite sememes, as a rule, based on hyperbolic intensive display of both positive and negative features. The research of Don folk geographic terms revealed a big number of enantionyms.

Key words: *enantiosemy, enantionym, lexical and semantic group, geographic appellative, semantic shift.*

(Статья поступила в редакцию 19.10.2016)

Т.К. ХОВРИНА
(Ярославль)

ЛЕКСИЧЕСКОЕ ГНЕЗДО С КОРНЕМ *ГЛУХ-* В ЯРОСЛАВСКИХ ГОВОРАХ

Рассматриваются слова, входящие в лексическое гнездо с корнем глух-, отмеченные в ярославских говорах русского языка. В деривационных образованиях с корнем глух-/глуш- ярко проявляются словообразовательная синонимия и вариативность, характерные как для ярославских, так и для других, прежде всего севернорусских, говоров.

Ключевые слова: *словообразовательное гнездо, деривация, синонимия, вариативность, ярославские говоры.*

Прилагательное *глухой* имеет общеславянское распространение. В ярославских говорах оно является вершиной большого словообразовательного гнезда. Обратимся к материалам «Ярославского областного словаря» (ЯОС), изданным к нему в 2015 г. «Дополнениям» и рассмотрим составляющие это гнездо лексемы. Следует отметить, что именно в «Дополнениях» к ЯОС наиболее полно представлен этот лексический пласт. За последние два десятилетия особенно пополнилась карто-

© Ховрина Т.К., 2016

тека «Дополнений», чему, несомненно, способствовало обследование говоров Ярославской области по программе создающегося в настоящее время «Лексического атласа русских народных говоров» (ЛАРНГ). Диалектная лексика собиралась главным образом по разделу «Природа», который, в свою очередь, предполагает разработку тем «Растительный и животный мир», «Ландшафт», «Метеорология» и «Человек». Успех сбора материала, как известно, во многом зависит от правильно сформулированного вопроса программы. В этом отношении программы ЛАРНГ существенно отличаются от тех, по которым работали прежде, в 50–70-е гг. прошлого века. Они очень детальны, вопросы носят конкретный характер и нацелены на то, чтобы получить по возможности адекватный ответ информанта.

Благодаря участию ярославских исследователей в федеральном проекте по созданию ЛАРНГ мы и познакомились с яркой представительницей диалектологов Нижнего Поволжья, необычайно обаятельной, милой женщиной, обладающей таким мягким, незабываемым голосом, спокойной манерой общения, располагающей к ней собеседника, *Риммой Ивановной Кудряшовой*, светлой памяти которой и посвящена эта статья.

Лексемы, составляющие словообразовательное гнездо с корнем *глух-/глуш-*, разнообразны в тематическом отношении и по своей семантике связаны с определенными значениями полисеманта *глухой* в литературном языке и русских народных говорах. Деривационные образования от данного прилагательного относятся к разным функциональным сферам, однако основные – это «Человек» и «Природа». С прилагательным *глухой* и его производными непосредственно связаны два вопроса программы ЛАРНГ: №2063 «Глухой человек» и №2064 «Глуховатый». Однако, как оказалось, само это слово и однокоренные наименования были выявлены и в ответах на другие вопросы, в частности, относящиеся к растительному миру, ландшафту, метеорологии, т. е. к разным природным явлениям, и др.

Прежде всего, обратимся к наименованиям глухого или плохо слышащего человека. Они составляют большой ряд словообразовательных синонимов: *глухня* (ср. просторечное *глушня*), *глухоня, глухоперя, глухтеня, глухотье, глушак, глухан, глухарка, глухунья, глушмень, глухомань*, а также *глушёный, глуховастый, с глушинкой* ‘глуховатый’. Например: *Да ты не ори зря-то, всё равно не услышит – он же глухня* (Бор.); *Ну что, уродила глухню сына? Теперь мучайся до конца жизни!* (Рыб.); *Вот к старости глухомань стала* (Бор.); *Что с него, с глухотья, спрашивать, если он ничего не слышит?* (Г.-Ям.); *Куда пошёл, глушак, не слышит, что зовут* (Тут.); *Глухоня, ничего не слышит* (Перв.); *Ну ты и глухоперя!* (Б.-Сел.); *Настасья плохо слышит – глушмень, это у них в роду* (Некр.); *Дед под старость с глушинкой стал* (Угл.). Приведем и фразеологизм *глухой овин* – так могут сказать о глухом человеке: *Экой он глухой овин* (Угл.) [ЯОСД *1*, с. 150–151].

В ярославских говорах *глухим* называют и неграмотного, необразованного человека, ср.: *Тёмный он человек, глухой* (Дан.). В костромских говорах по отношению к такому несведущему человеку употребляется однокоренное слово *глушь*: *Парень-то ничего не знает, глушь полная* (Буйск.) [СГКЗ, с. 72].

В литературном языке слово *глушь* имеет иную семантику, это ‘глухое, безлюдное или малолюдное место вдали от крупных населенных пунктов’; ‘захолустье’ [МАС *1*, с. 318; БАС ² *3*, с. 156]. Поэтому тот, кто жил в глухом месте, удаленном от центра, в глуши (а таким отдаленным местом в Ярославской губернии было Пошехонье), в разговорной речи в конце XVIII в. получил именование *глухарь*, этот факт зафиксирован в «Анекдотах древних пошехонцев», изданных в 1798 г., ср.: «Но ети насмешники плуты, *глухарям пошехонским* напели много такого, чего и духом не бывало». В современном русском языке слово *глухарь* в значении ‘глухой человек’ является просторечным. В первой половине XVIII в. оно засвидетельствовано в «Лексиконе немецко-латинском и русском» Э. Вейсмана (1731 г.) как русский эквивалент соответствующих иноязычных слов, ср. их перевод: *Глухарь, крепок на ухо* [СРЯ XVIII в. *5*, с. 135].

Обратимся к функциональной сфере «Природа». Лексема *глухой* в литературном языке представлена, в частности, в составных названиях растений. Такие наименования, относящиеся к растительному миру, существуют и в ярославских говорах. Так, разновидность берёзы, у которой нижняя сторона листьев негладкая, называется *глухая берёза* или *глушняговая (глушняковая)*, в отличие от *чисняговой*, у которой нижняя часть листьев чистая и гладкая. Например: *С глухой берёзы ветки не ломай* (Брейт.); *На глушняговой берёзе листья неровные, шершавые. Из глушняговой берёзы голяки делаю, а чисняговую на веники беру*

весной (Перв.); *На глушняговой берёзе и лисья шершавые, и шишечки есть* (Перв.). Второе наименование является производным от *глушняг (глушняк)*, ср.: *Глушняг не ломают на веники, у этой берёзы листья шершавые* (Люб.). *Глушняк* – это и собирательное название зарослей молодых берёз такого вида: *В овраге глушняку много* (Рыб.).

В ярославских говорах бытуют и другие однословные номинации данного вида берёзы с шершавыми листьями, которую нельзя использовать для банных веников, – *глухарка* и *глушнина*, ср.: *Глухарка – берёза с шероховатым листом, ветки у неё грубые, листвы мало* (Пош.) [ЯОСД *1*, с. 150–151]. В севернорусских говорах известны подобные однокоренные названия, в костромских, вологодских, архангельских говорах – это *глушина*, например: *Глушину-ту на веники не брали* (костром.) [СГКЗ, с. 72]; *Худа берёза, неровный листочек, так она глушина* (арх.); *У глушины шароховатые листы* (волог.); в вологодских – *глушица, глушка*: *Из глушицы-то веник не свяжешь*; *Глушку на веники не ломают* [СГРС *3*, с. 42–43].

Среди названий грибов в ярославских говорах выделяется слово *глухарь*, так именуется, прежде всего, гриб рыжик: *Глухарь – рыжик, гриб съедобный, его солят, маринуют* (Рыб.). Однако в другом случае не вполне ясно, о каком грибе идет речь, диалектоносители объясняют так: *Глухарь – сыроежка без пластинок, это гриб-урод, мутант* (Угл.) или употребляют описательное название *глухой гриб*, ср.: *Глухой гриб – гриб без пластинок* (Угл.).

В вологодских говорах также зафиксировано составное наименование *глухой гриб*, которое, как и *глухой рыжик*, обозначает ‘вид гриба рыжика с затянутой белой пленкой оборотной стороной шляпки’, ср. записи, сделанные в Устюженском районе Вологодской области, в которых дано описание этого гриба: *У глухого гриба снизу шляпки белое, но его всё равно берут*; *У глухого рыжика снизу белое, он толстый и невзрачный*; *Глухой рыжик с белой пеночкой, жестокий* (т. е. ‘жесткий’) *он* [СГРС *3*, с. 42]. Как видим, диалектоносители подчеркивают характерную черту этого гриба – невзрачность, ср. в ярославском примере: *гриб-урод, мутант*.

Описательным, составным наименованиям литературного языка в говорах, как известно, могут соответствовать однословные номинации. Так, растение глухая крапива в ярославских говорах называется *глушняк*, ср.: *Глушняк растёт у забора, на развалинах старых домов* (Дан.). Глухой, дремучий лес – *глушник, глушня*, например: *Глушник тянется на много вёрст* (Мышк.); *Будешь плохо себя вести – волки в глушник унесут* (Пош.); *Зашёл в глушню* (Рост.) [ЯОСД *1*, с. 151; ЯОС *3*, с. 79]. В русских диалектах известно и другое название глухого, непроходимого леса – *глушняк*, получившее лексикографическую фиксацию в конце XVIII в. в «Словаре Академии Российской» (1789–1794 гг.) [СРЯ XVIII в. *5*, с. 136].

Лексема *глухой* и ее дериваты представлены и в других наименованиях природных явлений, в частности, относящихся к метеорологии. *Глухой дождь* – ‘сильный, обложной дождь’ (*Глухой дождь идёт сильно, как стена.* Мышк.); *глухое ненастье* – ‘затянувшаяся дождливая погода’ (*Настало глухое ненастье*. Пош.). У прилагательного *глухой* в данном случае особым образом проявляется значение ‘сплошной; непроницаемый, без просвета’, свойственное литературному языку.

Состояние безветрия, затишья называют лексемы *глухота* и *глушина*: *Какая глухота стоит, ни один листочек не шелохнется на деревьях* (Нек.). Ср. употребление слова *глухота* ‘тишина’ в архангельских говорах: *Весь лес закухтало, глухота сделалась в лесу* [СГРС *3*, с. 42]. В литературном языке абстрактное существительное *глухота* связано с семантической сферой «Человек» и имеет прямое значение ‘полное или частичное отсутствие слуха’, а также переносное ‘отсутствие чуткости, отзывчивости; невнимание, равнодушие’ [БАС² *3*, с. 154]. В диалектах оно расширило сферу своего употребления и стало использоваться для обозначения тихой погоды, безветрия.

С характеристикой водных объектов связано функционирование лексемы *глухой* в значении ‘непроточный (о водоеме)’ в ярославских говорах: *Пруд был глухой всё время* (Дан.). Ср. в архангельских говорах: *Оно глухое озеро, из него протоков нет* [СГРС *3*, с. 42]. Подобное употребление данной лексемы в составе словосочетаний, называющих такого рода природные объекты, зафиксировано в старорусских текстах, в памятниках деловой письменности; ср. *глухое озеро* ‘непроточное озеро’: «Все *озера*… источные и *глухие*». Акты феод. землевлад. XVI в. ~ 1393 г.; «Дубъ, стоитъ поконецъ *глухого озера*». Кн. стр. Синб. XVII в.; *глухая река, речка* ‘глухой, непроточный рукав реки; старица’: «Прошедъ речку Жюжелку той же *глухою речкою* Параш-

кою». Кн. писц. Балахн. 1676 г. [СРЯ XI–XVII вв. *4*, с. 39].

В составных наименованиях, включающих основной компонент *глухой*, проявляется в русских говорах лексическая сочетаемость, не свойственная литературному языку. Так, в частности, особым образом реализуется в диалектной речи употребление этого слова в значении ‘совершенно закрытый; сплошной, без отверстий’, присущем литературному языку. Приведем ряд описательных наименований некоторых реалий в ярославских говорах: *глухая запирка* ‘большая дверная задвижка, засов, который вставляется в скобы, вбитые в косяки двери’ (*Глухая запирка – доска, вставляемая в специальные петли*. Рыб.); *глухое крыльцо* ‘крыльцо, обшитое со всех сторон тёсом и не имеющее окон’; *глухой стол* ‘небольшой кухонный шкаф-стол для посуды, продуктов и пр.’ (*Глухой стол – небольшой кухонный столик в виде шкафчика*. Яр.) [ЯОСД *1*, с. 151]; *глухая сторона* ‘стена дома без окон и дверей’ и ‘задняя часть двора’ (*По глухой стороне дрова сложены*. Рыб.); *глухой пирог* ‘пирог, у которого начинка закрыта слоем теста’, т. е. ‘закрытый пирог’ [ЯОС *3*, с. 79]. Последнее выражение известно в костромских и вологодских говорах, ср.: *Глухой пирог с картошкой, с грибам сушёным, солёным, дак загибенька*; *Загибеньки – это глухие пироги, так и зовут* [СГРС *3*, с. 42].

Добавим к вышеприведенным наименованиям еще одно – *глухая петля* ‘петля, узел которой не развязать’, зафиксированное в конце XVIII в. в «Анекдотах древних пошехонцев»: «<Пошехонцы> отваляв ему наперед порядочно бока, накинули на него *глухую петлю*» [СРЯ XVIII в. *5*, с. 136].

Итак, рассмотренный материал выявил особенности семантической структуры прилагательного *глухой* и его дериватов в говорах Ярославской области. В проанализированных разного рода деривационных образованиях с корнем *глух-/глуш-* ярко проявляются словообразовательная синонимия и вариативность, характерные как для ярославских, так и для других, прежде всего, севернорусских говоров.

Источники

СГКЗ – Ганцовская Н.С. Словарь говоров Костромского Заволжья: междуречье Костромы и Унжи. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова; М.: Книжный Клуб «Книговек», 2015.

СГРС – Словарь говоров Русского Севера / под ред. А. К. Матвеева. Т. 3. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005.

МАС – Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Рус. яз., 1981–1984.

СРЯ XI–XVII вв. – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 4. М.: Наука, 1977.

СРЯ XVIII в. – Словарь русского языка XVIII века. Вып. 5. Л.: Наука, 1989.

БАС ² – Словарь современного русского литературного языка / гл. ред. К. С. Горбачевич. 2-е изд., перераб. и доп. Т. 3. М.: Рус. яз., 1992.

ЯОС – Ярославский областной словарь : в 10 вып. / под ред. Г. Г. Мельниченко. Ярославль: Изд-во ЯГПИ, 1981–1991.

ЯОСД – Ярославский областной словарь: Дополнения : в 2 т. / под науч. ред. Т. К. Ховриной. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2015.

Условные обозначения районов Ярославской области

Б.-Сел. – Большесельский р-н, *Бор.* – Борисоглебский р-н, *Брейт.* – Брейтовский р-н, *Г.-Ям.* – Гаврилов-Ямский р-н, *Дан.* – Даниловский р-н, *Люб.* – Любимский р-н, *Мышк.* – Мышкинский р-н, *Нек.* – Некоузский р-н, *Некр.* – Некрасовский р-н, *Перв.* – Первомайский р-н, *Пош.* – Пошехонский р-н, *Рост.* – Ростовский р-н, *Рыб.* – Рыбинский р-н, *Тут.* – Тутаевский р-н, *Угл.* – Угличский р-н, *Яр.* – Ярославский р-н.

* * *

SGKZ – Gancovskaja N.S. Slovar' govorov Kostromskogo Zavolzh'ja: mezhdurech'e Kostromy i Unzhi. Kostroma: KGU im. N.A. Nekrasova; M.: Knizhnyj Klub «Knigovek», 2015.

SGRS – Slovar' govorov Russkogo Severa / pod red. A. K. Matveeva. T. 3. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2005.

MAS – Slovar' russkogo jazyka : v 4 t. / pod red. A. P. Evgen'evoj. M.: Rus. jaz., 1981–1984.

SRJa XI–XVII vv. – Slovar' russkogo jazyka XI–XVII vv. Vyp. 4. M.: Nauka, 1977.

SRJa XVIII v. – Slovar' russkogo jazyka XVIII veka. Vyp. 5. L.: Nauka, 1989.

BAS ² – Slovar’ sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka / gl. red. K. S. Gorbachevich. 2-e izd., pererab. i dop. T. 3. M.: Rus. jaz., 1992.

JaOS – Jaroslavskij oblastnoj slovar’ : v 10 vyp. / pod red. G. G. Mel’nichenko. Jaroslavl’: Izd-vo JaGPI, 1981–1991.

JaOSD – Jaroslavskij oblastnoj slovar’: Dopolnenija : v 2 t. / pod nauch. red. T. K. Hovrinoj. Jaroslavl’: RIO JaGPU, 2015.

B.-Sel. – Bol’shesel’skij r-n, Bor. – Borisoglebskij r-n, Brejt. – Brejtovskij r-n, G.-Jam. – Gavrilov-Jamskij r-n, Dan. – Danilovskij r-n, Ljub. – Ljubimskij r-n, Myshk. – Myshkinskij r-n, Nek. – Nekouzskij r-n, Nekr. – Nekrasovskij r-n, Perv. – Pervomajskij r-n, Posh. – Poshehonskij r-n, Rost. – Rostovskij r-n, Ryb. – Rybinskij r-n, Tut. – Tutaevskij r-n, Ugl. – Uglichskij r-n, Jar. – Jaroslavskij r-n.

Etymological nest with the root глух- in Yaroslavl dialects

The article deals with the words from the etymological nest with the root глух- in Yaroslavl dialects of the Russian language. In the derivatives with the roots глух-/глуш- the word formation synonymy and variety typical for the Yaroslavl and other dialects, first of all North Russian, are vividly displayed.

Key words: *variety, etymological nest, derivation, synonymy, Yaroslavl dialects.*

(Статья поступила в редакцию 19.10.2016)

Т.В. СИМАШКО
(Северодвинск)

ОСОБЕННОСТИ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ДЕНОТАТИВНО СВЯЗАННЫХ ДИАЛЕКТНЫХ ЕДИНИЦ

Анализируются основания для выделения совокупности единиц, отражающих запас знаний об определенном объекте мира, подвергшемся когнитивной обработке. Раскрывается, что повторяющийся денотативный признак служит формально-семантическим показателем, лингвистически достаточным для формирования такой совокупности единиц. Обосновывается, что материал диалектных единиц позволяет моделировать концептуальные структуры с учетом семантического пространства национального языка, выявлять особенности вербализации их отдельных компонентов. Показаны результаты анализа различных классов денотативно связанных единиц и пути концептуализации и предпочтения людей в репрезентации тех или иных особенностей отдельных фрагментов мира.

Ключевые слова: *концептуализация, моделирование структуры знаний, денотативный класс, диалектные и литературные единицы.*

Мысль К.С. Аксакова о языке, думается, близка многим современным исследователям: «<…> язык в составе своем есть воплотившаяся мысль; язык есть разумный мир. А потому мы должны понять язык и построить его на основании в нем выразившейся мысли» [1, с. 530]. Однако найти пути описания того, как посредством языка воплотилась и выразилась мысль, непросто. Корни этого, представляется, лежат в самом языке, в разнообразии его функций, в связях с другими общественными структурами, в стихийном характере его формирования и функционирования. Все это, как и многое другое, приводит к сложному устройству языка и к такому способу кодирования в нем информации, который не обязательно лежит «на поверхности».

Область когнитивной деятельности человека предопределена средой его жизни – природной, исторической, социально-культурной и потребностями выразить важные стороны определенных фрагментов мира. Как справедливо отмечает Н.А. Беседина, в когнитивной лингвистике различаются «два типа репрезентаций: ментальные и языковые. Ментальные репрезентации устанавливают отношения между реальной действительностью и уровнем сознания» – это служит образованию «концептуального уровня, который, в свою очередь, оказывается основанием для языковой репрезентации уже отображенных в сознании явлений реальной действительности» [3, с. 180].

Многообразие реального мира на концептуальном уровне упорядочивается, оценивается, организуется в целостные ментальные структуры и, расчленяясь, воплощается во множестве языковых единиц, каждая из которых лишь часть этого целого, но далеко не элементарная. Например, слово *кис‘ы* Перм. обозначает лыжи, подбитые шкурой с ног оленя, лося или лошади, однако важно, что в этом слове не только фиксируется особая разновидность лыж, но и содержится признак, показывающий их назначение, – ‘для преодоления сильного скольжения снега, особенно на склонах’: *Вот у меня были кисы. В любой крутик поднимайся, нисколь не сдавали* [5, вып. 16, с. 206]. Этот признак свидетельствует о знании свойства снега создавать скользкие поверхности и одновременно о найденных людьми способах для преодоления таких препятствий. Приведенный пример интересен тем, что в нем нашло отражение и другое свойство снега – обладать определенной плотностью, в частности, на это указывает доминирующий признак ‘лыжи’, т. е. особое приспособление для ходьбы по снегу. Примером зна-

© Симашко Т.В., 2016